

ARCHITECTURAL DIGEST. САМЫЕ КРАСИВЫЕ ДОМА МИРА

Клементин Сесил о памятниках архитектуры в России

Московское общество охраны архитектурного наследия (MAPS (<http://www.maps-moscow.com/rus/>)) совместно с SAVE Europe's Heritage (http://www.savebritainsheritage.org/save_europe/) только что опубликовали шокирующий 250-страничный доклад, озаглавленный «Санкт-Петербург: наследие под угрозой». О проблеме сохранения наследия в России рассказывает Клементин Сесил, новый директор SAVE Europe's Heritage – один из самых активных соавторов докладов MAPS с 2004 года, когда была основана эта организация.

Интервью взяла Линдси Франс для канала Russia Today. Мы публикуем текст их беседы в переводе на русский язык.

Клементин, насколько в действительности опасна ситуация в Санкт-Петербурге?

За последние 12 лет в Санкт-Петербурге были снесены около 150 исторических зданий. Когда приезжаешь в Петербург и гуляешь по его улицам, проблемы не бросаются в глаза, но стоит приглядеться повнимательней, как они становятся очевидны. Одна из главных проблем в том, что происходит с так называемой «линией горизонта» – силуэтом города. Исторически не разрешалось строительство домов выше Зимнего дворца, в котором сегодня расположен Эрмитаж. Но позднее, с течением лет в XX веке строения карабкались ввысь. А в последнее десятилетие перед нами предстали ряд построек, грубо нарушающих гармонию неба, зданий и реки Невы.

Пример того: как новая застройка разрушает петербургскую линию горизонта

Другая проблема – сохранность, реконструкция и ремонт, ведь в советские времена этим совсем не занимались, а большинство домов в центре города было отдано под коммунальные квартиры. А в коммуналках соседям бывает очень трудно прийти к согласию в вопросах поддержания порядка. Так вот, если вы пройдетесь по петербургским улицам, вы найдете немало сильно обветшалых домов. Причем, многие из них стоят пустые, на них воздействует погода, превращая их в руины.

Бои вокруг московского наследия идут активнее, чем в Петербурге. Однако ползучая подспудная угроза куда серьезнее, когда речь идет о городе, который как Санкт-Петербург представляет собой целостный архитектурный ансамбль и его нужно рассматривать как единое целое. Именно так он задумывался Петром Великим, и так он был построен – как единый ансамбль. Все, что вторгается в него или нарушает часть ансамбля, нарушает все целиком.

Кампании, инициированные жителями на местном уровне, стали весомой составляющей усилий за сохранение архитектурных памятников. Каково значение в том, что к ним присоединились голоса из-за рубежа?

Свежий взгляд на проблему всегда полезен. Когда в 2004 году в этом музее (Московском архитектурном музее) было основано Московское общество охраны архитектурного наследия, идея как раз и была в том, чтобы открыть международную трибуну местным активистам, вывести их усилия на международный уровень. Это важно, потому что, хотя люди и посещали Россию и в советский период, и на его исходе, мало кто осознавал значение русской архитектуры в целом, и русских городов, особенно Москвы, в частности.

Важной частью кампании за сохранение московской архитектуры было изменение взглядов людей, вовлечение не только местных жителей, но и тех, кто живет за границей и приезжает сюда в качестве гостей или туристов. Конечно, никакие власти не любят критики в свой адрес – и русские, и британские... Мы были готовы использовать любое давление, любые доступные нам рычаги, в том числе и извне, чтобы повлиять на ситуацию и помочь местным активистам.

Одним из главных вопросов в подобных делах, как мне кажется, является отслеживание фактов, а найти подробные и достоверные документы здесь очень непросто. В своем докладе вы приводите перечень снесенных зданий за последние двадцать лет, и тех, которые под угрозой сегодня. Как он составлялся и как вы собираетесь отслеживать его в будущем?

Эта информация была собрана местными активистами из Санкт-Петербурга. Они брали сведения или из общедоступных источников или в архивах городских и районных властей, поскольку и там, среди работников администрации, есть люди, сочувствующие и болеющие за сохранение исторического облика города. Вообще-то, в нашем списке приводится лишь небольшая часть зданий, снесенных за последние десять лет, поскольку вместить в него все до последнего было невозможно. Но факт в том, что когда мы начинали свою работу в Москве, не было вообще никакого открытого для общественности перечня городских строений. То же самое сейчас в Петербурге. Одна из задач наших докладов – сломать стену молчания, вынести информацию на свет и общественное обсуждение. Ведь чем больше люди знают о том или ином здании, тем лучше они понимают, в чем его историческая ценность и почему его нужно сохранить. А сам-то дом о себе рассказать не может! Значит, мы, люди, живущие в нем или рядом с ним, должны поведать его историю. Вот этим мы и занимаемся все вместе – находим сведения из самых разных источников, проверяем, обрабатываем, переводим и публикуем на двух языках, да еще и с иллюстрациями.

Это замечательный доклад, и какие-то из домов, как вы сказали, смогли рассказать или пересказать свою историю, побуждая людей активно вникнуть в проблему. А есть у вас новые проекты, где мог бы поучаствовать гражданин? Если, допустим, он идет по улице и видит интересное здание ветхом состоянии, он мог бы сообщить о нем, выйти через вас на контакт с властями и таким образом способствовать сохранению или реставрации...

Люди могут участвовать в работе уже существующих организаций, таких как "Архнадзор" – сторожевой пес российской архитектуры, и нашей организации тоже. "Архнадзору" хорошо удается отвечать на сигналы общественности, привлекать к ним широкое внимание и отслеживать реакцию и действия властей. Люди присылают фотографии, ведут оживленные дискуссии на онлайн-форумах, что очень важно, так как люди начинают чувствовать свою причастность, делятся своей информацией, получают ее от других и так далее. В общем, дел у защитников архитектуры невпроворот, и мы – часть этого сообщества.

Один из самых острых вопросов доклада – фальшивая реставрация. Как вы воюете с этим? Ведь это такая непростая проблема!

Тут много сложностей. Это была одна из главных тем московского доклада, поскольку это одна из самых больших московских проблем – эдакая «диснеефикация» архитектурного наследия. Идешь по Москве и не понимаешь, что это перед тобой. Обедаете вы в настоящем дворце XIX века, или в новостройке? Можете не сомневаться, почти наверняка – новодел, «рекуперация»! А теперь с той же проблемой столкнулся Санкт-Петербург. Все очень непросто, так как спор идет о терминах, спор идет об аутентичности. Что такое аутентичность? Понимаете, это как у луковицы снимать слой за слоем – сколько там слоев?

Есть законы и международные хартии, подписанные и Россией, об аутентичности, где все расписано. К счастью, нет нужды вести дискуссии, договариваться о дефинициях – правила уже установлены. Мы просто снова и снова пытаемся вынести на свет дня существующие проблемы, представить их общественному взору, поддерживать разговор о них, потому что одно дело закрепить что-то в законах, и совсем другое – добиться их исполнения. Так или иначе, Советский Союз и Россия поставили свою подпись, и властям нужно определиться – уважать подписанное или игнорировать.

А

И как бороться с такой реставрацией «а-ля Диснейленд»? Переделывать все по-новой?

Нет, пожалуй. То есть, если вы спрашиваете о моем личном мнении, то, если уж сделано, пусть остается, как есть. Как правило, каждая последующая переделка оказывается еще хуже. Конечно, могут быть исключения, но прежде чем приступить к переделке, нужно быть на сто процентов уверенным в конечном результате. Лужковская Москва девяностых и двухтысячных переполнена такими подделками. Возможно, через тридцать лет о них будут говорить: «Изумительно! Это была эра, когда понимали, как важно строить подделки!» Это история общественного развития.

Идиосинкразии своего времени, да?

Да!

Когда дело доходит до сноса старых складских помещений, некоторые города предпочитают сравнивать их с землей и на их месте возвести что-то другое. Вы выступаете за их реставрацию и использование в каком-то другом качестве...

Это адаптация. Наша организация в каждом случае выступает за такой подход, потому что применив немного воображения, хороший архитектор может придумать новую функцию практически для чего угодно.

А как вопросы экологии? Ваше движение принимает их в расчет?

Британское и европейское подразделения SAVE считают, что будущее за сохранением и дальнейшим использованием старых зданий, поскольку они более экологичны. Есть термин «воплощенная энергетика» – в любом строении заключено некоторое количество внутренней энергии, которая рассеивается при сносе здания. Эта энергетика складывается из вложенных в строительство рабочего времени, материалов, других ресурсов. Замерить ее количественные показатели сложно. А еще есть фактор загрязнения окружающей среды, которое происходит в процессе сноса, например, промышленных строений, или когда новое строительство ведется на месте бывшей индустриальной площадки. Это случается куда чаще, чем можно подумать. Кроме этого есть вопрос теплоизоляции – в Соединенном Королевстве вокруг него идут серьезные баталии – деревянные окна или пластиковые, сделанные из ПВХ: правительство оказывает серьезное давление с позиций энергосбережения. В России этот вопрос пока не ставится, поскольку на первом месте по актуальности проблема сохранения, восстановления и дальнейшего использования зданий. Я сторонник точки зрения, что старые дома можно сделать энергетически эффективными, хотя против такого подхода выступает мощное строительное лобби. Так или иначе, снос зданий экологически не оправдан.

Повсюду сокращается финансирование программ по сохранению наследия. Как это чувствуется в России?

Вообще-то, сокращение финансирования бывает на пользу. Обычно, когда денег меньше, то воображения – больше. И меньше происходит неоправданного вмешательства. Меньше – это больше.

Большой победой для Санкт-Петербурга закончилась борьба против газпромовской башни. Она установила планку очень высоко. Каким образом вы собираетесь сохранять достигнутый уровень?

Ну, мне кажется, у Санкт-Петербурга есть удивительная история общественных кампаний. Упомянутое вами достижение было невероятным. По-моему, эта победа дала невероятный моральный стимул. И дело, пожалуй, даже не в том, что сделано нечто, чем можно долго гордиться, а в том, что этот пример дает силы и уверенность для дальнейших действий. То есть, что-то такое было, что подпитывало борьбу и достигнутую в ее результате победу, что подняло всю кампанию на более высокий уровень. Мы возмужали в той кампании. А вот про Москву часто забывают, многое проглядели. В Москве было тяжело поднять людей, в том числе потому, что город не воспринимался как архитектурно значимый. В начале двухтысячных сюда закачали уйму денег, дома здесь рушились один за другим, и москвичи на удивление быстро осознали, что происходит, и обратили внимание на проблему. Петербург всегда считался культурной столицей и так далее. Москва же задала тон кампаниям в XXI веке, и об этом стоит помнить.

Какими будут ваши следующие шаги?

Сейчас мы готовим международный доклад о заброшенных церквях. Мы выбрали пятьдесят полуразрушенных заброшенных красивейших каменных церковных зданий, преимущественно XIX века. Мы готовим живописный визуальный обзор по этой проблеме. В российской глубинке тысячи брошенных церквей, и что делать со всеми ими, совершенно непонятно. Пренебрежение к архитектурным памятникам в таком масштабе просто немыслимо на Западе.

Линдси Франс

Перевод: Александр Ондар

Линдси Франс начала карьеру журналиста в CNN в Нью Йорке и освещала президентские выборы 2004 года, цунами в Юго-Восточной Азии, взрывы в Лондоне, ураган "Катрина" Интерес к проблемам экологии появился у нее во время сотрудничества с The History Channel и The Discovery Channel. В настоящее время работает корреспондентом телеканала Russia Today. Линдси освещала взрывы в Домодедово, запуски космических кораблей в Байконуре, свадьбу принца Уильяма в Лондоне. Но главной для нее стала тема охраны окружающей среды, которой посвящена ее собственная программа Eco Reports на канале Russia Today.

